

Аканаев А. Поэма о бессмертии. Триптих, центр.

88

Дорогой Олжас Омарович!
Редакционный совет и
сотрудники журнала «Простор»
горячо поздравляют Вас,
патриарха нашей литературы,
с ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!

**Желаем Вам крепкого здоровья
и дальнейшего творчества!**
Мы всегда помним, что летопись
«Простора» на молекулярном
уровне связана с Вашей судьбой,
Вашиими стихами и научными
исследованиями.

**Начиная с конца пятидесятих
прошлого столетия, когда
были опубликованы в журнале
первые Ваши стихи, читатели
и сотрудники «Простора»
всегда сверяют барометр
литературной жизни по Вашему
«предчувствию гор», ибо
«Простор» и Ваше имя всегда
рифмуются, как и город у
подножья гор, где Вы родились!**
Надеемся, что видите всех нас,
Ваших учеников и поклонников,
с высоты своего 88-летия.
Мы с Вами!

Ваши «просторовцы»

Аманжолов М. Позиция и поступок. Фрагмент.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Безымянная высота

(Хроника)

Памяти Курбана Бадельбаева

...От полка осталось 32 штыка –
шли из окружения от самого Бреста.
Всего-то начальства – писарь полка,
последняя позиция –
холм безымянный,
что стал для альпийских стрелков
Эверестом.

Взрывом гранаты
мне порубило глаза;
командир наш,
писарь полка Соломин,
снял с себя мокрый бинт,
завязал мне глаза
и сипло сказал:
«Посмотрим,
нас еще двое,

мы им дадим рукопашную,
меня узнаешь по голосу,
остальные – не наши...»
Я бежал рядом с Соломиным,
упираясь штыком в темноту.
Спотыкался и падал, вставал,
воздух прикладом круша.
У ног моих бился, хрипел,
умирал Соломин,
они гоготали, меня окружа.
Не знал я, что гибнуть придется
в таких условиях...

Сержант Соломин вел боевой
дневник:
«Выйдем к своим, – говорил, –
для отчетности пригодится».

Кто дезертировал,
Кто геройство в боях проявил,
кто где похоронен –
всему вел учет полковой писарь Соломин.
Когда на кордоне лесном
погиб пулеметчик Корнилов
и не осталось больше в полку коммунистов,
писарь Соломин, раненым горлом сипя,
клялся со всеми и, нарушая устав,
принял в партию
весь наличный состав
полка. В том числе и себя.
Все заявления, сколотые ржавой булавкой,
сохранились в сыром планшете:

«Я, рядовой Семенов Петр Ильич, из Саратова, улица Кровельная, 17, имею четыре класса образования, грамотный. Соцпроисхождение – бондарь. Прошу считать членом ВКП(б). Имею жену Марию и пятерых деток. Машенька, если что – возвращайся к отцу в деревню...»

И приписано рукой Соломина: «Пал коммунистом за Родину у моста через реку Серень 20 августа 1941 г. Достоин ордена Красной Звезды».

«Я, рядовой Садыков Хамит, из аила № 5 около города Ош, неграмотный по-русски и по-киргизски. Соцпроисхождение – трудовой пастух. Имею мать и отца, убитых басмачами. Тяжело ранен в бою за Родину. Умирая, прошу принять в партию ВКП(б), записано с моих слов сержантом Соломиным». Вместо подписи – кровавый отпечаток пальца.

И ниже – тем же округлым писарским почерком: «Принял смерть коммунистом на высоте 230 у деревни Голенькой 25 августа 1941 г. Достоин ордена Красной Звезды».

Широков А. За Родину!

Через тридцать лет
пионеры отроют планшет,
документам размытым поверят райкомы
и военкомы.
Всех, кого принял в партию,
кого представил к награде
сержант Соломин, – примут и наградят
посмертно.
Высота 230 на старенькой карте-трехверстке
обозначена цилиндрическими
неправильными овалами,
будто рисунок папиллярных линий.
Высоты, которые мы держали,
похожи на кровавые отпечатки
солдатских пальцев!..
Безымянная высота.
Почему безымянная?
Тридцать отдали ей навсегда свои имена.
Четыре Ивана, три Петра, два Ахмета,
Хамит и Саша,
Кирилл, Владимир, Исаак
и маленький санинструктор Агаша...
Без вести павшие
Солдаты наши.

*Самсонов М. Сестрица.
Фрагмент.*

Наседкин Н. Костюм моей молодости.

Одна война закончилась другой...

...Одна война закончилась другой.
Мой дядя, брат отца, ушёл на фронт.
Ушёл он добровольно? Я не помню.
Но помню – от бессонницы ушёл,
От белых окон
и ночных испугов,
От резких тормозов на повороте.
Он шёл с мешком
вдоль пыльного арыка,
А я бежал, цеплялся и просил
Взять в плен фашиста,
Если он не сдастся, –
Ударить шашкой,
Или так, на штык,
Или ногой в живот –
Пусть будет больно,
Порезать руки,
Чтобы кровь хлестала...
Он сбоку поглядел в мои глаза,
Дед хмуро кашлял
и плевал под ноги...
Всё реже в домик приходили письма,
Потом пришло одно.
В нём говорилось:

Мой дядя пал
хорошей смертью храбрых.
А я не понял, и был счастлив я,
Увидев слово храбрый.
Дед не плакал.
Решил старик, застенчивый,
угрюмый,
Проехать полстраны
с голодным внуком,
Чтоб разыскать
Могилу сына.
Дед не разрешал
Сынам своим лежать в чужой земле.
Я помню – полустанок, зной,
бесхлебие,
Солдаты в пролетающих вагонах,
Разбитая земля, остовы танков,
Голодное ворьё пустых вокзалов,
Сожжённые деревни и коровы,
Разбухшие от порыжелых трав.
Я помню – реки, реки, реки,
Дожди, то морозящие, то ливни,
Стволы осин, дубов заплесневелых
И глина, глина, глина по колено.

Нам показали дядину могилу,
Она была за маленькой деревней,
Едва просохшей после серых ливней.
Над мелкой речкой – глиняный бугор.
Дед помолился, пожевал насвая,
А я глазел на глиняную землю,
Она была, земля, почти такую,
Как наша, только мокрой.
Я запомнил.
Вокруг стояли жители деревни,
Одна из них казалась мне красивой,
С худыми, но румяными щеками.
И злая, как соседка. Я запомнил.
Мой дед не обращал на них
внимания,
Он снял бешмет и, обойдя могилу,
Вонзил лопату в глиняный бугор.
И женщины вдруг обступили деда,
Та, что была с румяными щеками,
Сказала. Я запомнил.
– Разве можно...
Здесь восемнадцать человек лежат.
Мой дед уже чуть понимал по-русски.
Он осторожно вытащил лопату,
Рукой погладил рану в чёрной глине
И вытер руку о сухой сапог.
Мы просидели день у тихой речки.
До темноты следили ребяташки,
Дед, плача, пел арабскую молитву,
А я гонял травинкой муравьёв.

«Их имена шуршат, как штурмовые флаги...»

Их имена шуршат,
как штурмовые флаги:
Бауыржан Момышулы,
Рахимжан Кошкарбаев.

...Атака, как потрава.
Взбушует дар крота,
когда ударит справа
чужая высота.
Зажмуришь рану
броском горсти.
«Вставай!»
«Не рано?»
«Пора. Прости...»

Прижата пулеметом
ноздрями в грязь
момышевская рота.
Не поднялась.
Подался, искорежен
твой правый фланг,
нет тяжелее ноши в бою,
чем флаг.
Погибнуть – ведь не то же,
что околеть?
Вопрос, казалось, легкий,
ответ не прост.

Ты испытал такое –
вставать с колен?
Неведомое счастье –
подняться в рост?
Крылатое мгновенье,
как взмах пера,
талант бойца –
уменье –
понять пора!

Предчувствовать событие –
нелегкий дар.
Пора!
Ты из укрытия –
и под удар.
Хвосты обмоток,
бинтов кора,
из черных глоток
итог: «Пора-а!»

О запрещении испытаний

Страна,
Ты прошла испытание Казахстаном –
Есть сегодня земля,
На которой цветам не расти.
Испытали Тараса.
И Фёдора испытали.
Петроград, прости.
Ленинград, мою землю прости.
Казахстан – это проводы,
Проволока колючая,
Это было –
Саратов и Киев, и снова
Саранск.

Это ссылки
на Маркса,
Кочевья, театры и лучшие
Копи,
Кони и домны,
Турксиб, просто Сиб. И жара.
Я бы мог появиться в горах
И не зваться казахом,
Или жить в белой хатке,
Коров по оврагам пасти.
Всё равно –
Привезли бы меня в Джезказган
вагонзаком.

Украина, прости,
О ингуш, мою землю прости!
Казахстан, ты огромен –
Пять Франций!
Без Лувров,
Монмартров.
Уместились в тебе все Бастилии
грешных столиц.
Ты огромною каторгой
Плавал на маленькой карте.

Толелбай Е. Вести 1941 года. Фрагмент.

